

Христіанство и соціализмъ.

(Речь, произнесенная на годовичномъ актѣ Кіевской духовной Академіи, 26 сентября 1900 года).

Въ ряду вопросовъ, занимающихъ въ настоящее время вниманіе образованнаго общества, первое мѣсто принадлежитъ несомнѣнно вопросу соціальному, который служитъ теперь предметомъ самыхъ тщательныхъ научныхъ изслѣдованій. Это—единственный въ своемъ родѣ вопросъ нашего времени ¹⁾. Французскій академикъ Леметръ говоритъ, что теперь на Западѣ въ такой-же модѣ соціальный вопросъ, въ какой была въ концѣ прошлаго вѣка революція ²⁾. „Молодые теологи, говоритъ Штейнъ, инстинктивно сознающіе глубокіе соціальныя мотивы современной, реформирующейся на нашихъ глазахъ общественной жизни, столь жадно читаютъ теперь „Основы политической экономіи“—Вагнера, „Капиталъ“—Маркса и „Жизнь и Строеніе“—Шеффле, какъ раньше они читали „Подражаніе Христу“—Оомы Кемпійскаго“ ³⁾. „Католическое духовенство, говоритъ Лавеле, соціальный вопросъ отождествляетъ съ религіознымъ и рѣшеніе этого вопроса считаетъ осуществленіемъ словъ: „mise-

¹⁾ Понятіе „соціальный“ разъясняетъ Stammeler въ „Wirtschaft und Recht“, Leipzig, 1896, s. 117—118. „Соціальный“ онъ понимаетъ, какъ внѣшне урегулированный.

²⁾ Lemaitre, Les Rois, Paris 1895, p. 6.

³⁾ Штейнъ, Соціальный вопросъ, перев. Николаева. Москва, 1899, стр. 625.

teor super turbam“¹⁾. а Жюли знакомитъ насъ со многими опытами рѣшенія соціального вопроса католическимъ духовенствомъ²⁾.

Такая сосредоточенность вниманія на этомъ вопросѣ объясняется, конечно, его важностію. Важность же эта очевидна. Разрѣшать соціальный вопросъ—не значитъ-ли имѣть намѣреніе дать текущей жизни новое содержаніе, установить гармонію между религіозной, нравственной и правовой сторонами ея. Можно-ли, поэтому, представить себѣ другой болѣе важный вопросъ—столь жизненный, полный научнаго и теоретическаго и практическаго интереса.

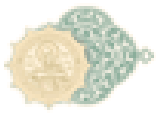
Съ благословенія Его Высокопреосвященства и имѣю честь предложить благосклонному вниманію просвѣщеннаго собранія обсужденіе одной только части этого весьма сложнаго вопроса, части, впрочемъ, самой существенной въ немъ,—мнѣ хотѣлось бы сказать—какъ о томъ значеніи, какое придается въ современномъ соціальномъ движеніи исповѣдуемой нами христіанской вѣрѣ, такъ и о томъ, какое она дѣйствительно имѣетъ въ нашей общественной жизни.

Извѣстная истина, что жизнь отдѣльнаго человѣка безъ какихъ бы то ни было связей съ обществомъ возможна только для того, кто умеръ для общества³⁾. Каждый изъ насъ въ своей жизни связанъ съ тою людскою средою, въ которой онъ живетъ, столь крѣпкими узами солидарности, что отъ извѣстнаго состоянія соціальной жизни зависитъ не только его личное умственное, религіозное и нравственное богатство, но и внѣшнее матеріальное благосостояніе. Общественная и

¹⁾ E. de Laveleye, Le socialisme contemporain, Paris 1896, p. VI.

²⁾ Joly, Le socialisme chretien, Paris 1892, p. 238—332.

³⁾ „Со дня своего рожденія человѣкъ является должникомъ человѣческаго общества“, говоритъ Буржуа (Solidarité, Paris, 1896, p. 116), и въ чувствѣ благожеланія какъ бы отдастъ свой долгъ.

политическая экономія именно и занята теперь точнымъ и подробнымъ вычисленіемъ того, до какой степени и въ чемъ люди нуждаются другъ въ другѣ. Соціальный долгъ или общественныя обязанности устанавливаются съ полною опредѣленностью и ясностью. А это указываетъ на то, что въ настоящее время человѣчество старается рѣшительно идти впередъ на пути къ соціальному улучшенію во всѣхъ отношеніяхъ, во всѣхъ видахъ и формахъ.

Это одна сторона современнаго теченія человѣческой жизни.

Слишкомъ очевидно представляется взору даже и невнимательнаго наблюдателя и другая, можно сказать, особенная сторона его. Только не желающій знать можетъ не знать того, что совершается теперь въ образованномъ обществѣ. Къ удивленію однихъ и къ огорченію другихъ, въ послѣднее время наше общество стало заниматься такими вопросами, интересоваться которыми казалось дѣломъ невозможнымъ еще такъ недавно, можно сказать, нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Пишется масса статей въ свѣтскихъ журналахъ и поднимаются горячіе споры о такихъ вопросахъ, которые, повидимому, навсегда отрицательно рѣшены были въ общественномъ сознаніи и безповоротно сданы въ архивъ, такъ какъ вопросы эти, главнымъ образомъ, касаются религіи. Матеріалистическое направленіе мысли праздновало побѣду, но оказалось слишкомъ поспѣшно. Душа человѣческая выступаетъ съ протестомъ, потому что въ ней живетъ вѣчная, неискоренимая потребность и стремленіе ко всему тому, что выше этой, неудовлетворяющей ее дѣйствительности. Душа человѣка проситъ себѣ пищи и тѣмъ настоятельнѣе проситъ, что слишкомъ долго оставалась безъ нея.

И вотъ, человѣка, обращающагося къ жизни съ такими запросами, думаетъ удовлетворить современный социализмъ. Не будетъ съ нашей стороны преувеличеніемъ, если мы скажемъ, что никто еще не говорилъ такъ много, что-

бы сказать такъ мало, какъ то дѣлають выразители социалистическихъ идей. На перестройкѣ внѣшнихъ формъ человеческой жизни такъ, чтобы всѣмъ людямъ открылась совершенная свобода и полное равенство въ пользованіи матеріальными благами, они думаютъ основать среди людей довольство и упрочить счастье. Но что надо разумѣть подѣ этимъ ихъ счастіемъ—трудно понять. Счастье—понятіе слишкомъ условное. Что счастье для одного, то самое можетъ быть несчастіемъ для другого,—и чтобы сказать что-нибудь определенное на этотъ счетъ, приходится подмѣнить понятіе о счастіи понятіемъ о выгодахъ въ жизни, объ удобствахъ въ ней. Такъ въ сущности они и дѣлають. „Назначеніе человѣка, говоритъ одинъ изъ нихъ, быть счастливымъ, но счастливъ только тотъ, кто имѣетъ возможность удовлетворять своимъ потребностямъ и въ этомъ удовлетвореніи находить наслажденіе. Больше счастья, чѣмъ больше наслажденій и чѣмъ разнообразіе потребности. На этомъ зиждется прогрессъ социального счастья“¹⁾. Поэтому, борьба со всякаго рода препятствіями къ свободной жизни и притѣсненіями, свобода во всѣхъ видахъ, полный и всесторонній прогрессъ, осуществить который мѣшаетъ пока невежество массъ и своекорыстіе власть имѣющихъ людей,—вотъ, по взгляду социализма, главная задача современности.

Конечно, если бы стремленіемъ къ такому прогрессу дѣйствительно исчерпывалось все содержаніе человѣка, если бы въ человѣкѣ не было другихъ, кромѣ этихъ, потребностей, тогда, несомнѣнно, въ обеспеченномъ и безпрепятственномъ отправленіи человѣкомъ его земного назначенія было бы истинное счастье и настоящая жизнь. Но давно уже и не напрасно сказано, что „не о хлѣбѣ единомъ живѣтъ человѣкъ“. Человѣкъ всегда стремился и къ иному,

¹⁾ Radowitz, Gespräche aus der Gegenwart in Staat und Kirche, s. 125.

кроме чувственного. Съ первыхъ дней своей жизни онъ сознавалъ въ себѣ и чувствовалъ стремленіе къ полному удовлетворенію всѣхъ своихъ потребностей, среди которыхъ всегда властвуетъ стремленіе къ другому счастью, счастью высшему. Ни одна достигнутая цѣль, какъ бы она ни казалась высокою во время самого процесса достиженія, не удовлетворяетъ его здѣсь. Въ ней онъ не находитъ своего счастья. На краю гроба, когда онъ видитъ уже конецъ своего земного бытія, взоръ его переносится въ другую жизнь, въ другой міръ, и все съ тѣмъ же стремленіемъ, съ тою же жаждою высшаго и болѣе полного счастья. Потому что человеку всегда присуще сознаніе того, что только вѣчное счастье есть истинное счастье. Какъ несомнѣнно то, что человеку свойственно стремленіе къ такому счастью, такъ несомнѣнно и то, что онъ можетъ найти себѣ удовлетвореніе только въ этомъ стремленіи. Это—фактъ, котораго не опровергнетъ ни одинъ эволюціонистъ. Это—тотъ фактъ, на основаніи котораго социологъ Киддъ пришелъ къ признанію необходимости для развитія социальной жизни ультраэраціональной санкции, подъ которой онъ разумѣлъ христіанскую религію ¹⁾).

Не странно-ли, послѣ этого, видѣть на страницахъ сочиненій такихъ ученыхъ, какъ Друммондъ ²⁾ и Штейнъ ³⁾, старанія опровергнуть въ этомъ самого Кидда. Они дѣйствуютъ, какъ убѣжденные эволюціонисты. Также поступаетъ и социализмъ, который менѣе всего расположенъ признавать за христіанствомъ то значеніе, которое оно имѣетъ и для здѣшней жизни, внѣшнее устройство которой—главная задача социализма.

¹⁾ Киддъ, Соціальное развитіе, Спб. 1897, перев. съ англ., стр. 69.

²⁾ Друммондъ, Прогрессъ и эволюція человека, перев. съ англ. Москва 1896, стр. 61—67.

³⁾ Штейнъ, цитов. соч. стр. 615.

Въ настоящее время опредѣлилось нѣсколько направлений въ отношеніи социализма къ христіанству. Одно направление, имѣвшее раньше и теперь имѣющее многочисленныхъ приверженцевъ—это то, которое созрѣло на почвѣ экономическихъ и промышленныхъ факторовъ. Нужно сказать, что эти факторы, значеніе которыхъ было нѣкогда столь незначительно, теперь играютъ первенствующую въ жизни роль. Но такъ какъ служеніе мамонѣ исключаетъ собою возможность служенія Богу, то само собою создалось такое положеніе вещей, что крайне матеріалистическое исключительно экономическое направленіе въ жизни, для своего обоснованія, воспріяло въ себя все то, что выработано противъ христіанства отрицательною критическою мыслью ¹⁾).

Основная идея этого направленія—несовмѣстимость христіанства съ социальнымъ прогрессомъ. Христіанство представляется этимъ направленіемъ, какъ система угнетенія, зло и бичъ для человѣческой культуры. Въ исторіи христіанства это направленіе усматриваетъ одно только господство религіознаго и политическаго абсолютизма, сдвигавшихъ свободное развитіе человѣческихъ силъ. Въ самомъ ученіи христіанскомъ сторонники этого направленія находятъ противорѣчія основнымъ истинамъ социологіи и социальному развитію вообще ²⁾). Хри-

¹⁾ Подъ знаменемъ отрицательнаго направленія въ свое время выступали французскій и нѣмецкій атеизмъ и англійскій деизмъ,—съ особенною полнотою и послѣдовательностію оно проводилось въ многочисленныхъ томахъ знаменитаго Лорана, сочиненія котораго можно назвать фокусомъ, въ которомъ совмѣщаются всѣ отдѣльные взгляды и мнѣнія цѣлаго направленія. Въ нихъ можно встрѣтить и взгляды остроумнаго Вольтера, съ особеннымъ наслажденіемъ нападавшаго на христіанство, и взгляды англійскихъ и нѣмецкихъ философовъ натуралистическаго направленія.

²⁾ Laurent, Etudes sur l'histoire de l'humanité, IV, Paris 1855, p. 42, 79—80. 111. 119—120. 226. 132 и 136. 317. 376—377. L'Eglise et l'état, prt. III, p. 1—54.

стіанство дѣлаетъ изъ монашества идеалъ жизни и освящаетъ безбрачіе,—какъ система, противная соціальному прогрессу, оно проповѣдуетъ полное отреченіе отъ міра, учить безропотному перенесенію всякаго насилія, считаетъ законнымъ грубый деспотизмъ, освящаетъ рабство, признавая за нимъ великія заслуги, запрещаетъ пріобрѣтеніе собственности и даже преслѣдуетъ куплю и продажу и т. п. Все это, очевидно, не можетъ мириться съ здоровыми принципами соціологіи и дѣлаетъ невозможнымъ соціальныи прогрессъ. Да это и понятно. Христіанство проповѣдуетъ царство небесное, царство исключительно духовное, почему оно есть религія другого міра. Оно предписываетъ, напр., полное самоотреченіе, но инстинктъ само-сохраненія удерживаетъ людей отъ выполненія предписаній, которыя являются скорѣе закономъ смерти, чѣмъ закономъ жизни. Люди благоразумно воздерживаются отъ подставленія лѣвой ланиты тому, кто ихъ бьетъ по правой,—воздерживаются отъ отдаванія нижняго платья тому, кто беретъ у нихъ верхнее. Они, напротивъ, отражаютъ нападеніе и вступаютъ за свои права, а когда какая-либо сила нарушаетъ ихъ, сопротивляются, считая сопротивленіе это за самую святую изъ своихъ обязанностей. Христіанство проповѣдуетъ равенство, но равенство это есть равенство религіозное ¹⁾,—свобода христіанская—свобода внутренняя, свобода отъ грѣха. Все же внѣшнее, свобода гражданская вмѣстѣ съ политическою, остается безразличнымъ для учениковъ Христовыхъ.

Таково одно, весьма распространенное направленіе, существующее въ современномъ соціализмѣ во взглядѣ на соціальное значеніе христіанства. Общеизвѣстенъ фактъ, что чѣмъ поверхностнѣе какое-либо философское міровоззрѣніе, тѣмъ болѣе у него сторонниковъ вслѣдствіе его общедоступности, прикрывающей пустоту простотою. Теперь, впрочемъ,

¹⁾ Laurent, Le christianisme, Paris 1866, p. 97.

появляются разныя вѣянія и направленія мысли, и онѣ имѣють неменьшее распространеніе, такъ какъ наше время созрѣло для всякаго рода и добрыхъ и худыхъ идей, замѣчаетъ Фурньеръ ¹⁾).

Другой, противоположный этому, но не менѣе ложный взглядъ на соціальное значеніе христіанства, принадлежитъ новѣйшему коммунизму. По мысли выразителей этого взгляда, христіанство уничтожаетъ различіе между сословіями и признаетъ полный коммунизмъ, полную общность имущества ²⁾. На основаніи нѣкоторыхъ мѣстъ изъ книги Дѣяній ³⁾, коммунисты утверждаютъ, что первая христіанская община, основанная непосредственно учениками Іисуса Христа, по Его, конечно, наставленію, и руководившаяся истинными принципами христіанства, была съ исключительно коммунистическимъ устройствомъ и характеромъ.

Что въ первое время жизни христіанскаго общества практиковалась общность имущества, это, конечно, видно изъ апостольской исторіи. Но заключеніе отсюда къ сущности христіанства, какое дѣлается сторонниками коммунизма, болѣе чѣмъ невѣрно. Въ евангеліи нѣтъ ни одного правила и ни одного предписанія въ коммунистическомъ духѣ ⁴⁾. Да и въ самой жизни перво-христіанъ

¹⁾ L'Idéalisme social, Paris 1898, p. 26.

²⁾ По взгляду Ренана, Іисусъ Христосъ овладѣлъ современнымъ ему соціальнымъ движеніемъ посредствомъ основанія коммунистическаго союза, въ которомъ не было различія между твоимъ и моимъ. Vie de Iesus, 5 edit. Paris 1863. Взглядъ этотъ развитъ Мореллемъ. Раздѣляя этотъ взглядъ и Кабе, помѣстившій Іисуса Христа въ высшій рангъ людей за то, что въ его ученіи заповѣдуется будто бы коммунизмъ имущества (Fichte, Die philosophischen Lehren von Recht, Staat und Sitte, Leipzig 1850, s. 790). E. de Laveleye, Le socialisme, p. XIV.

³⁾ Дѣян. II, 34. 45 и IV, 32. 34. 35.

⁴⁾ Лактанцій называетъ коммунистическую теорію ненавистною и несправедливою, мѣтко указывая ея главнѣйшій недоста-

можно указать факты, противорѣчащіе такому взгляду: Дѣян. XII, 12; V, 4. Очевидно, коммунизмъ въ первые дни христіанства былъ явленіемъ исключительнымъ и временнымъ, не имѣющимъ отношенія къ сущности христіанства. Онъ былъ слѣдствіемъ и стѣсненныхъ внѣшнихъ обстоятельствъ и того духа любви, какимъ отличались непосредственные ученики Христа и апостоловъ, и вслѣдствіе котораго они жертвовали ради высшихъ цѣлей своей вѣры нерѣдко и самую жизнь. Очевидно, что коммунистами также не понята общественная сторона христіанства и не угадана особенность въ томъ царствѣ Божіемъ, которое основалъ на землѣ Спаситель міра, какъ не понимаетъ ее социаль-экономическая современная мысль, основывающаяся въ этомъ на результатахъ, добытыхъ отрицательнымъ направленіемъ новѣйшей критической мысли.

Христіанство, по мнѣнію социаль-экономистовъ, считающее идеальною формою жизни безбрачіе и монашество, принятое и практикуемое серьезно могло бы привести человечество къ гибели. Не говоря о томъ, что христіанство освятило бракъ и возвысило его до степени таинства,—о томъ, что весь протестантскій міръ, среди котораго болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, социаль-экономистовъ, извѣстныя слова Апостола (1 Кор. VII, 1. 8. 27. 38) о преимуществахъ безбрачной жизни предъ брачною понимаетъ, какъ временную заповѣдь, вызванную исключительнымъ положеніемъ жизни первыхъ христіанъ¹⁾,—о томъ, что самъ апостолъ Павелъ запрещеніе вступать въ бракъ называетъ ученіемъ бѣсовскимъ, дѣломъ отнавшихъ отъ вѣры подъ вліяніемъ духовъ обольстителей (1 Тим. IV, 1—3),—замѣтимъ, что если христіанство въ дѣлѣ спасенія и предпочитаетъ безбрачіе брачной жизни, то

токъ—благопріятствованіе тунеядству и лѣности. Божеств. Наставленія, гл 38.

¹⁾ Gelser, Die religion im Leben, Zurich 1863, s. 177—178.

отсюда вовсе не слѣдуетъ, чтобы жизнь извѣстнаго числа христіанъ въ монастыряхъ могла мѣшать соціальному благоустройству человѣческой жизни вообще. Неужели всѣ эти христіанскіе аскеты, подвижники, святые, у гробовъ которыхъ со слезами молилось и молится множество христіанъ, всѣ эти великіе нравственные труженики не принесли никакой пользы міру и обществу, всѣ эти свѣтильники сіяли ложнымъ свѣтомъ предъ міромъ и обществомъ? Неужели они своею жизнію, своею святостью въ жизни никого не просвѣтили для жизни въ человѣческомъ обществѣ и тѣмъ самымъ не улучшили и не возвысили и самое общество это и жизнь его? То правда, что христіанинъ есть собственно житель другого міра, что настоящее отечество его на небѣ,—но отсюда не слѣдуетъ же то, что земныя дѣла для него должны быть безразличны. Хотя онъ и долженъ повиноваться, напр., господамъ не только кроткимъ, но и строптивымъ, но этимъ не вмѣняется же ему въ обязанность мириться со всякимъ насиліемъ, „мириться съ дикимъ деспотизмомъ, предпочитая послѣдній свободѣ“¹⁾),—какъ то приписываютъ христіанству соціаль-экономисты. Допустимъ, что христіанинъ, какъ членъ царства Божія, сознаетъ себя странникомъ на землѣ и поэтому безразлично относится къ существующимъ здѣсь насиліямъ и всякаго рода неправдамъ. Но само-то христіанство не запрещаетъ-ли эти насилія? Всѣ эти заповѣди о любви и самоотреченіи не обращены-ли одинаково къ господамъ и къ слугамъ, къ правителямъ и къ подданнымъ, къ тѣмъ, которые творятъ неправду, и къ тѣмъ, которые терпятъ насиліе? Можно-ли оправдывать какое-либо насиліе заповѣдью—подставляя лѣвую ланиту ударившему по правой, или заповѣдью о терпѣннѣи и даже безропотномъ перенесеніи обидъ? Ударившій по правой ланитѣ не обязывается-ли этою-же самою заповѣдью къ полному ограниченію

¹⁾ Laurent, Le Christianisme, 1866, p. 21.

самолюбія и даже къ терпѣнію? Что касается обвиненій христіанства въ отрицательномъ отношеніи къ матеріальному благосостоянію и въ прославленіи нищеты и бѣдности, то противъ нихъ слѣдуетъ сказать, что христіанство возстаєтъ собственно не противъ богатства, а противъ злоупотребленій богатствомъ, торговлею и т. д., противъ забвенія высшихъ цѣлей жизни ради земного довольства ¹⁾).

Человѣкъ, по христіанскому ученію, долженъ быть выше внѣшнихъ благъ, но это не значитъ, что онъ долженъ презирать ихъ. Въ Библии есть замѣчательно живой образъ такого отношенія къ внѣшнимъ благамъ. Образъ этотъ—праведный Іовъ, который былъ одинаково добродѣтельнымъ и въ богатствѣ и въ бѣдности. Бѣдность и богатство не заключаютъ въ себѣ причины или повода къ грѣху, но они могутъ быть мотивами къ нему. Слово Божіе, съ одной стороны, предостерегаетъ человѣка отъ чрезмѣрнаго стремленія къ земнымъ благамъ, а съ другой—предписываетъ богатому и бѣдному упражненіе въ трудѣ осуществленія долга любви. Такимъ образомъ, тогда какъ, въ пониманіи социалистовъ, социальна-экономическіе вопросы даютъ работу только экономическимъ стремленіямъ человѣка, въ христіанствѣ они получаютъ иной высшій смыслъ ²⁾). Въ земныхъ благахъ оно

¹⁾ Известное мѣсто евангелія отъ Луки (XVIII, 25): „удобнѣе верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти въ царствіе Божіе“—не говоритъ ничего противъ богатства самого въ себѣ, а говоритъ лишь противъ того корыстолюбія, которое, завладѣвъ душою человѣка, побуждаетъ его собирать богатства ради самихъ богатствъ, и которое одинаково вредитъ и дѣлу личнаго спасенія, и благосостоянію другихъ. Только чрезмѣрною привязанностію къ средствамъ жизни, связанною съ пренебреженіемъ истинной цѣли ея, и были вызваны слова Спасителя: „какъ трудно имѣющимъ богатство войти въ царствіе Божіе“ (ст. 24)!

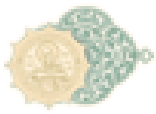
²⁾ Hasler, Volkswirtschaft und Moral, Passau 1887, s. 11.

признаетъ временное значеніе, но по отношенію къ вѣчному назначенію человѣка. Блага эти для христіанъ служатъ не самоцѣлью, но средствомъ къ достиженію высшей цѣли,— всякая экономическая работа служить цѣннымъ средствомъ для умственныхъ и нравственныхъ упражненій ¹⁾. И несомнѣнно, богачъ и бѣднякъ несли бы большій убытокъ тогда, когда бы при борьбѣ экономическихъ и нравственныхъ интересовъ никакого преимущества не отдавалось послѣднимъ ²⁾. Такой именно смыслъ имѣютъ и слова Апостола: „корень всѣхъ золъ есть сребролюбіе, которому предавшись, нѣкоторые уклонились отъ вѣры и сами себя подвергли многимъ скорбямъ“ (I Тим. VI, 10), или: „имѣйте нравъ не сребролюбивый, довольствуясь тѣмъ, что есть“ (Евр. XIII, 5). Т. е., ни въ богатствѣ, ни въ бѣдности невозможно достигнуть нравственного совершенства, привязавшись къ земнымъ благамъ, но эти блага являются важнѣйшею необходимостію. Человѣкъ при посредствѣ ихъ упражняется въ добръ и вырабатывается въ нравственно добрую личность. Въ этомъ весь настоящій смыслъ вѣшнихъ благъ,—но отъ этого слишкомъ далеко до отрицанія всякаго значенія за ними, какъ то навязывается христіанству соціальной экономіей. Одинаково чужды, по христіанскому ученію, царства небснаго какъ тотъ бѣднякъ, который стремится къ наживѣ ради матеріально богатой жизни, такъ и тотъ богачъ, который наживается ради наживы,—самоотреченіе—долгъ того и другого. По взгляду же соціальной экономіи ³⁾, самоотверженіе свойственно только бѣднымъ, а богатымъ самолюбіе. Очевидно, христіанство и социализмъ говорятъ въ этомъ случаѣ на разныхъ языкахъ и о разныхъ

¹⁾ Ratzinger, Die Volkswirtschaft in ihren sittlichen Grundlagen, Freiburg 1895, s. 200.

²⁾ Cossa, Wirtschaftslehre, Freiburg 1880. с. I, s. 23.

³⁾ Jörg, Geschichte der socialpolitischen Parteien, Freiburg 1867, s. 121.

предметахъ¹⁾. Первое разумѣть челоуѣка, имѣя въ виду его назначеніе, а второе—его состояніе въ извѣстныхъ внѣшнихъ обстоятельствахъ. Вотъ почему и во взглядѣ на богатство и бѣдность социализмъ отдаетъ преимущество первому, а христианство второй, такъ какъ гораздо болѣе грозитъ опасность нравственности челоуѣка отъ богатства, чѣмъ отъ бѣдности. Отцы Церкви, вооружаясь противъ вреднаго вліянія богатства, съ особенною силою отбѣняютъ всегда его непостоянство. Но этимъ они вовсе не отвергаютъ богатства и не проповѣдуютъ нищеты. въ смыслѣ современнаго пролетаріата, а говорятъ лишь противъ излишней привязанности къ богатству.

Христианство—религія милосердія и участія къ бѣднымъ и несчастнымъ. Благотворительность—вотъ въ христианскомъ смыслѣ настоящее средство, доставляющее дѣйствительное социальное значеніе богатству. Въ исторіи церкви можно указать на такіе факты благотворительности, которые имѣютъ какъ бы вѣчный и универсальный характеръ. Христианству обязаны своимъ происхожденіемъ тѣ богоугодныя заведенія, которыя представляютъ собою необходимую принадлежность и настоящаго времени. Только духу христианской любви обязаны своимъ происхожденіемъ всѣ эти птохотрофіи (богадѣльни), геронтокоміи (пріюты для престарѣлыхъ), ксенодохиі (страннопріимные дома), носокоміи (больницы), орфанотрофіи (пріюты для сиротъ) и бреготрофіи (воспѣгательные дома для грудныхъ дѣтей). Къ числу, напр., самыхъ первыхъ христианскихъ больницъ относится знаменитая василіада, основанная Василіемъ Великимъ и обращенная впослѣдствіи въ страннопріимный домъ. Василій В. нашелъ себѣ въ этомъ скоро множество подражателей не въ Каппадокіи только, но

¹⁾ E. de Laveleye, Le socialisme contemporain, Paris 1896, р. XVІІІ

и во всей имперіи¹⁾. Св. Іоаннъ Златоустъ основываетъ въ Антиохіи пріютъ для бѣдныхъ, гдѣ было собрано около 3000 человѣкъ. Павла продаетъ все свое имущество и надѣляетъ средствами нищихъ. „Берегись“, пишетъ ей бл. Іеронимъ, „Иисусъ Христосъ сказалъ, что имѣющій двѣ одежды пусть отдастъ одну, а ты отдаешь три“. Намъ понятна та зависть, съ какою смотрѣлъ Юліанъ на такія обнаруженія христіанской любви къ бѣднымъ. „Почему“, пишетъ онъ жрецамъ, „вы не подражаете нечестивымъ галилеянамъ, которые питаютъ не только своихъ собственныхъ бѣдныхъ, но еще и нашихъ, между тѣмъ, какъ мы оставляемъ нашихъ братьевъ безъ помощи“²⁾.

Таково примѣненіе и истинное значеніе богатства съ христіанской точки зрѣнія. Оно въ рукахъ человѣка служитъ средствомъ улучшенія здѣшней жизни общей и возвышенія его личной. Богатство должно служить не для моего личнаго наслажденія, а для общаго благополучія. Достигается это благотворительностію. Соціалисты въ соціальномъ вопросѣ видятъ только одну его экономическую сторону и не обращаютъ вниманія на эту психологическую. А между тѣмъ, если бы современное человѣчество отнеслось съ должнымъ вниманіемъ къ этой именно сторонѣ, то явное дѣло, что тогда уничтожилась бы сама собою та великая пропасть, которая утвердилась между капитализмомъ и бѣдностью, и подъ гнетомъ которой такъ въ особенности ужасно стонетъ просвѣщенный Западъ. Тамошній богачъ смотритъ на свое богатство, какъ на свое право, а бѣднякъ—на свою бѣдность, какъ на на-

¹⁾ Таковы: св. Маркіанъ, который отдалъ все свое имущество на устройство пріюта для странныхъ,—св. Маркеллъ изъ Месопотаміи, папы Симмахъ и Григорій В. и многіе изъ свѣтскихъ лицъ, каковы, напр., Калликаній, Сампсонъ Константинопольскій, Велизарій и др. Chastel, *Etudes historiques sur l'influence de la charité*, Paris 1853, p. 268—279.

²⁾ Laurent, *Le christianisme*, p. 77—78.

рушеніе своего права быть богатымъ. Отсюда первый отстаиваетъ свое право, а второй возстановляетъ, выражая свое стремленіе теоретически въ социализмъ, а практически въ анархизмъ.

Происходитъ то чудовищное явленіе, которое называется на Западѣ „рѣшеніемъ“ социальнаго вопроса“, и будущее котораго наполняетъ ужасомъ сердца мыслящихъ людей. Очевидно, что въ основѣ этого явленія лежитъ нехристианскій взглядъ на имущество. Съ христианской точки зрѣнія владѣющій владѣетъ не по праву, а по Божьей волѣ,—онъ только временный приставникъ къ имуществу, обязанный въ свое время дать отчетъ въ своихъ дѣлахъ. Т. е., безусловную цѣнность имѣетъ только душа человѣка, а все остальное, въ томъ числѣ богатство и бѣдность, условно и относительно. Вслѣдствіе этого всѣ мы не только можемъ, а и должны одинаково относиться къ богатству. Какое же это отношеніе? Отношеніе полной къ нему свободы. Христианинъ есть личность свободная, по Апостолу, отъ всего и вмѣстѣ съ тѣмъ всѣмъ владѣющая (1 Кор. IX, 19). Вслѣдствіе этого на психологической почвѣ происходитъ полное сочетаніе личнаго интереса съ общимъ правомъ. Что принадлежитъ отдѣльной личности, то можетъ быть общей собственностью, въ силу полной и всегдашней готовности и права личности отдать все свое на общую пользу. Это и есть истинный христианскій социализмъ¹⁾. Моя собственность принадлежитъ мнѣ, а твоя—тебѣ, но все, что мы имѣемъ, дано намъ Богомъ для того, чтобы мы, устрояя общее благополучіе, достигали тѣмъ своего личнаго счастья, которое въ блаженной вѣчности. Это истинное христианское социально-экономическое положеніе²⁾. При такомъ пониманіи и такомъ отношеніи къ собственности

¹⁾ Joly, Le socialisme, p. 33—34.

²⁾ E. de Lavelle, Le socialisme, p. XV.

получаетъ свой особенный характеръ и работа чело­вѣка въ этой жизни и забота его о здѣшнихъ вещахъ. Работать чело­вѣкъ обязанъ, но заботиться долженъ, имѣя въ виду ту жизнь, такъ какъ забота объ этой жизни убиваетъ въ чело­вѣкѣ чело­вѣка. Такой именно смыслъ заключается въ словахъ Спасителя: „не собирайте себѣ сокровищъ на землѣ, гдѣ моль и ржа истребляютъ и гдѣ воры подкапываютъ и кра­дутъ: но собирайте себѣ сокровища на небѣ... ибо гдѣ со­кровище ваше, тамъ будетъ и сердце ваше. Не заботьтесь для души вашей, что вамъ ѣсть и что пить, ни для тѣла вашего, во что одѣться. Душа не больше-ли пища, и тѣло одежды? Да и кто изъ васъ, заботясь, можетъ прибавить себѣ росту хотя на одинъ локоть“ (Мѳ. VI, 19—21. 25. 27). „Въ исполненіи воли Божіей мы обрѣтаемъ себѣ душевный миръ; этотъ миръ способствуетъ нашимъ самымъ напвыс­шимъ наслажденіямъ, потому что душа пробуждается тогда, когда засыпаетъ забота“¹⁾,—заботы же мало бываетъ у того, кто знаетъ, для чего онъ живетъ и что его ожидаетъ въ будущемъ, для того, кто, живя здѣсь, живетъ мыслию о той жизни. Наоборотъ, забота всецѣло охватываетъ душу того чело­вѣка, который мотивируется въ своей жизни исключи­тельно эгоистическими разсчетами, и служитъ причиною тѣхъ бѣдствій, которыя существуютъ и которыя наблюдаются во­обще въ чело­вѣческой жизни.

Въ началѣ нынѣшняго вѣка появилось ученіе, исход­нымъ пунктомъ котораго служило начало вражды всѣхъ про­тивъ каждаго и каждаго противъ всѣхъ (*bellum omnium contra omnes*)²⁾. Разумѣемъ сенъ-симонизмъ, главная и, пожалуй, единственная заслуга котораго заключается въ томъ, что онъ наивозможно ясно показалъ весь практическій вредъ

¹⁾ Дж. Лэббокъ, Радости жизни, перев. съ англійск. Слб. 1899, стр. 251.

²⁾ Caro, Problemes de Morale sociale, Paris 1887, p. 144.

и несостоятельность того жизненного порядка, при которомъ каждый дѣйствуетъ для себя и вмѣстѣ съ тѣмъ противъ другихъ ¹⁾. Но извѣстно, что внѣшнія отношенія между людьми и доселѣ преисполнены эгоистическаго характера, противнаго духу христіанства. И можно сказать, что теперь эта, такъ называемая, „борьба за существованіе“ ведется съ особою напряженностію. Чѣмъ нравственнѣе человѣкъ, тѣмъ онъ менѣе заботится о своихъ личныхъ выгодахъ, и чѣмъ больше въ немъ любви, тѣмъ отвратительнѣе для него эта борьба за существованіе. Святые люди всегда боролись не за существованіе, а за освобожденіе своей души отъ пристрастія къ житейскому, надѣясь на Бога, боролись съ собою, а не съ ближнимъ, такъ какъ борьба за существованіе въ сущности есть борьба съ этимъ ближнимъ, къ которому человѣкъ умѣетъ быть слишкомъ жестокимъ. Въ политикѣ, напр., мы видимъ теперь крайнее народное соперничество. Но гораздо сильнѣе развитіе вражды замѣтно въ промышленности и торговлѣ. Развитіе промышленности глубоко потрясаетъ всѣ условія современнаго существованія. „Трудно и представить себѣ“, говоритъ Ле-Бонъ, всю важность великихъ экономическихъ переворотовъ, которые еще только восходятъ надъ горизонтомъ современной жизни. Главнымъ результатомъ ихъ является то, что они совершенно расшатываютъ тѣ социальныя условія, надъ которыми, какъ когда-то казалось, безслѣдно проходили все измѣняющіе вѣка“ ²⁾. Экономическіе вопросы окончательно завладѣваютъ вниманіемъ современнаго человѣчества,—изъ-за нихъ теперь ведутся кровопролитныя войны и съ такою энергіею, предъ которою тускнѣетъ энергія крестоносцевъ. Завладѣвая міромъ, они лишаютъ его мира. Ибо всѣ эти, существующія теперь, прискорбныя явле-

¹⁾ Fouillée, Le mouvement positiviste et la conception sociologique du monde, Paris 1896, p. 245.

²⁾ Ле-Бонъ, Психологія социализма, перев. Слб. 1899, стр. 5.

нія конкуренції, практикуемаго протекціонизма, которыми подавляється свободное развитіе однихъ производительныхъ началъ въ пользу другихъ, не суть-ли только иная quasi-законная форма борьбы челоуѣка съ челоуѣкомъ? Современная жизнь не подтверждаетъ ли до очевидности истинность положенія, по которому самый лютой врагъ челоуѣка—самъ челоуѣкъ? И это совершается, не смотря на то, что христіанствомъ направлены для умаленія вражды между людьми всѣ силы религіозной любви. Но все-таки ничему другому, а только христіанству современное челоуѣчество обязано тѣмъ, что нравственная тяжесть такой враждебности въ челоуѣческихъ отношеніяхъ сознается теперь и чувствуется весьма живо. Это сознаніе способствуетъ выработкѣ того убѣжденія, что только дружное, преисполненное любви и благожеланія, преслѣдованіе цѣли прямо ведетъ къ ея достиженію и что только такимъ способомъ и на такомъ пути возвышается общее счастье и можетъ увеличиваться сумма общихъ благъ. Но общее счастье получается изъ частнаго, значитъ, каждая отдѣльная сила, дѣйствуя сообща, становится производительнѣе въ своей такой дѣятельности, и каждая отдѣльная личность успѣшнѣе преслѣдуетъ, такимъ образомъ, свои общечелоуѣческія задачи. Наше время, гордое своими матеріальными успѣхами, можетъ служить поучительнѣйшимъ примѣромъ того практическаго вреда, какой является слѣдствіемъ враждебности и борьбы въ челоуѣческой дѣятельности, а отсюда и въ личныхъ людскихъ отношеніяхъ. Извѣстно, что наше время сдѣлало необычайные успѣхи въ области внѣшней культуры. Современный челоуѣкъ, посвятивъ всѣ силы свои изысканіямъ въ той области, можно сказать, взвѣсилъ ее, измѣрилъ и почувствовалъ себя могущимъ повелѣвать и царствовать надъ природою, „владычествовать и обладать ею“. Но какъ живетъ этому царю? Всѣ эти успѣхи должны бы улучшать его жизнь, но то-ли мы видимъ? Въ массѣ культурнаго общества теперь сталъ господствовать столь безот-

радный взглядъ на жизнь, что краснорѣчивый выразитель его—Шопенгауеръ совѣтуетъ человѣку всегда помнить, что онъ приходитъ въ міръ, населенный морально и интеллектуально жалкими существами, общенія съ которыми слѣдуетъ избѣгать. Вѣрнѣйшее, по его мнѣнію, средство противъ двуногихъ—самое глубокое презрѣніе къ нимъ, такъ какъ они не что иное, какъ невѣроятная мелочность, чрезвычайная тупость, безграничный эгоизмъ. Можно-ли назвать счастливымъ такого человѣка, въ которомъ сама дѣятельность его вырабатала такой взглядъ на жизнь? Можно-ли считать такую дѣятельность правильною, цѣлесообразною? Можно-ли, поэтому, согласиться и съ тѣмъ утвержденіемъ социаль-экономіи, что „конкуренція есть необходимое условіе успѣха въ жизни и дѣятельности“? ¹⁾ Отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ намъ, между прочимъ, знаменитый социологъ Тардъ. По мнѣнію его, состояніе войны, конкуренціи, явной или глухой борьбы не есть вообще нормальное отношеніе, причина или условіе всяческаго прогресса въ обществѣ; но съ отношеніями соперничества и войны смѣшаны и отношенія союза и сотрудничества. Въ этомъ нельзя не согласиться съ Тардомъ. Онъ доказываетъ, что настоящимъ, прямымъ факторомъ прогресса можно считать именно вторыя отношенія, а первыя служатъ для него не прямо, но косвенно, только расширяя область вторыхъ. Такъ, напр., война можетъ имѣть цивилизующее значеніе не сама по себѣ, не какъ разрушеніе, но тѣмъ, что послѣ нея (напримѣръ, даже въ случаѣ присоединенія одного народа къ другому) расширяется мирное и согласное общеніе и союзное дѣйствіе участвующихъ въ ней государствъ, при чемъ превосходство одного въ цивилизації, представляющее всегда результаты большаго единенія, гармоніи, мира и союза въ средѣ народа, усваивается другимъ. Точно также промышленная конкуренція заставляетъ слабѣйшія промышленныя заведенія подражать

¹⁾ Штейнъ, Соціальный вопросъ, стр. 671.

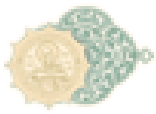
сильнѣйшимъ въ ихъ преимуществахъ, а именно въ гармоніи функцій, въ качествахъ совершеннѣйшей координаціи и соединенія труда. Далѣе, самый трудъ, источникъ всяческаго общественнаго прогресса, союза и сотрудничества, принадлежитъ къ отношеніямъ союза и сотрудничества, хотя и можетъ быть вызванъ конкуренціей ¹⁾. Очевидно, что цѣлесообразнымъ человѣческій трудъ бываетъ не при борьбѣ, а при кооперативномъ союзѣ человечества, и эта цѣлесообразность находится въ прямомъ отношеніи къ силѣ и крѣпости союза. „Кооперація силъ, а не борьба ихъ, различіе функцій народнаго организма, а не противоположеніе ихъ другъ другу—вотъ задача, говоритъ Кавелинъ, поставленная всѣмъ народамъ въ будущемъ“ ²⁾.

Мы видимъ, что на практикѣ любовь и сердечное участіе полнѣе холоднаго участія по расчету и въ общемъ выводѣ всегда плодотворнѣе и богаче результатами. „Экономическая жизнь личности, говоритъ и Шеффле, есть низшая сфера, которая относится къ высшей только какъ средство къ цѣли, и отъ нея (высшей) должна получать нравственный и духовный характеръ. Экономическая личность погибаетъ, если она отвращается отъ нравственнаго и религіознаго закона, высшихъ идей добра, красоты и истины. Времена упадка вкуса, времена безнравственности, безбожія и государственнаго распадѣнія не случайно были временами экономического упадка въ исторіи человечества“ ³⁾. Поэтому, дѣйствительный любовный союзъ людей, какой имѣетъ въ виду христіанство, слѣдуетъ считать самымъ благопріятнымъ средствомъ для достиженія и личныхъ и общечеловѣческихъ цѣ-

¹⁾ Тардъ и его теорія общества, проф. Козлова, Кіевъ 1887, стр. 49—50.

²⁾ Собраніе сочиненій К. Д. Кавелина, Спб. 1898, т. II, стр. 939.

³⁾ Schäffle, Die National-Oekonomie oder allgemeine Wirthschaftslehre, Leipzig 1861, s. 24.

лей жизни. Христiанскій дѣйственный союзъ братской любви въ Богѣ, удерживающій въ равновѣсiи сферу свободной чело-вѣческой жизни и удовлетворяющій закону истинной пользы и дѣйствительнаго счастья, долженъ быть признанъ высшимъ закономъ жизни, закономъ, наиболѣе соответствующимъ и природѣ чело-вѣка и истиннымъ цѣлямъ жизни его. Когда чело-вѣкъ будетъ братомъ чело-вѣку, тогда онъ не будетъ волкомъ и по отношенiю къ обществу. Съ улучшенiемъ отношенiй между отдѣльными лицами, улучшатся отношенiя и между цѣлыми миллионами людей. Когда житейскiе вопросы будутъ разрѣшаться въ духѣ христiанской справедливости и любви, тогда не будетъ лишнихъ на пиру земномъ, тогда всѣ будутъ званными, людей въ небрачной одеждѣ не будетъ, исчезнетъ тогда бѣдность, горе, голодъ, борьба, конкуренцiя, враждебность, всѣ тогда будутъ пить изъ полной чаши чистыхъ радостей.

Такой видъ можетъ принять жизнь чело-вѣческая подѣ благотворнымъ влиянiемъ христiанства, и если она и доселѣ не имѣла его, то винить въ эгомъ христiанство слѣдуетъ, конечно, менѣе всего. Но еще болѣе нелѣпо утверждать, что христiанство причастно такимъ социальнымъ аномалiямъ, какъ рабство, напримѣръ. „Нельзя-ли считать источникомъ рабства эксплуатацiю однихъ другими“? справедливо замѣчаетъ Перенъ¹⁾. Нелѣпость такихъ воззрѣнiй на социальное значенiе христiанства всего яснѣе видна намъ будетъ изъ исторической справки по данному вопросу.

Жизнь чело-вѣчества до христiанства, по выраженiю Климента Александрийскаго, была ночью, имѣвшею, впрочемъ, и свои звѣзды въ лицѣ Сократовъ, Аристидовъ и имъ подобныхъ. Но то была все-таки ночь, непроглядную тьму которой сгущали проявленiя чрезмѣрнаго чело-вѣческаго эгоизма.

¹⁾ De la richesse dans les societes chretiennes, t. III, Paris 1882, p. 20⁵.

„Не было тогда, говорить Шатель ¹⁾, справедливости по отношенію къ слабымъ, состраданія къ побѣжденнымъ, когда тронутый побѣдитель хотѣлъ оказать милость, онъ встрѣчалъ оппозицію со стороны религіи. Что имѣешь ты общаго съ этимъ народомъ? Законы его и боги его не твои. Онъ побѣжденъ и пусть умретъ или пусть служить тебѣ“ ¹⁾). Тотъ-же эгоизмъ господствовалъ и въ отношеніяхъ между согражданами. Рабство, это величайшее преступленіе противъ чело-вѣчества, было повсемѣстно въ до-христіанскомъ язычествѣ и мало-по-малу, по свидѣтельству исторіи, уничтожалось и стало исчезать уже въ христіанствѣ. Отношенія къ рабамъ у культурнѣйшаго народа древности, управлявшагося наиболѣе развитымъ *jus civilis*, поражаютъ насъ своею жестокостью и безчеловѣчностью. „Сколько было въ Римѣ и Спартѣ, говорить Шатель ²⁾, такихъ гражданъ, которые какъ-будто сомнѣвались, что рабъ былъ такой-же чело-вѣкъ, какъ и они“ ³⁾). Рабъ, по классификаціи Варрона, былъ земледѣльческимъ или коммерческимъ орудіемъ, отличавшимся отъ вьючнаго скота только даромъ слова. Это было существо презрѣнное, которое покупали и продавали по нуждѣ или по капризу, о которомъ заботились только въ видахъ эксплуатаціи, котораго передъ смертью бросали въ ровъ животнымъ, или по совѣту Катона, продавали вмѣстѣ съ старыми волами и вепями.

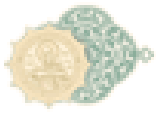
Такое-же право сильнаго господствовало до христіанства и въ семейныхъ отношеніяхъ. „Римская семья, говорить Троплогъ, была ничѣмъ инымъ, какъ агрегатомъ индивидуумовъ, признающихъ полномочіе одного главы. Мужъ былъ судьей своей жены, имѣющимъ право осудить ее на смерть“ ⁴⁾).

¹⁾ Chastel, *Etudes historiques sur l'influence de la charité*, Paris 1853, p. 4.

²⁾ Ibid.

³⁾ Juvenal: *O demens! ita servus homo est?* Sat. VI.

⁴⁾ Troplong, *De l'influence du christianisme*, Paris 1855, s. 20. 22.

Поводомъ къ этому осужденію могли служить самые мало-важные случаи. Метеллъ, напр., казнилъ свою жену за употребленіе вина¹⁾; достойнымъ казни считалось пользованіе ключами мужа безъ его вѣдома. По отношенію къ дѣтямъ, отецъ точно также былъ облеченъ неограниченнымъ правомъ жизни и смерти. Плутархъ передаетъ, что Брутъ наказывалъ своихъ дѣтей не какъ консулъ, а какъ отецъ, безъ судебныхъ формальностей²⁾.

Въ личной жизни людей до-христіанскаго міра эгоизмъ сказался незнавшею ограниченій страстью къ чувственнымъ удовольствіямъ, крайнею разнузданностью и чудовищнымъ развратомъ. Понятно, что при такомъ положеніи вещей страданія человѣчества были невыносимо тяжелы. Тяжесть страданій усиливалась видимою безвыходностію положенія и отсутствіемъ помощи.

Классическая наука была безсильна помочь и оставалась холодною при видѣ страданій человѣчества. По остроумному замѣчанію Вольтера, величайшій философъ древности не могъ измѣнить нравовъ даже у тѣхъ сосѣдей, которые жили съ нимъ въ одной улицѣ. Философія была привилегированнымъ занятіемъ мудрецовъ, гнушавшихся общественной проповѣди буіямъ міра сего. „Я допускаю, говоритъ Троплогъ, что братство человѣчества было извѣстно великому Платону; но предразсудки болѣе сильныя, чѣмъ философія, принудили его ограничить это понятіе одними народами Греціи. За предѣлами этого народа онъ видѣлъ только неравенства, антипатіи, право сильнѣйшаго. Цицеронъ, безъ сомнѣнія, много возвысился надъ нимъ, представляя въ самыхъ нѣдрахъ римскаго эгоизма людей, какъ согражданъ одного и того же города. Но эта муниципальная связь, какую философъ выводилъ изъ тождества законовъ, есть только робкое гаданіе въ сравненіи

¹⁾ Ibid. p. 308.

²⁾ Ibid. p. 25.

съ союзомъ братства, который соединяетъ всѣхъ людей въ обществѣ христіанскомъ¹⁾. Даже и самый глубокий мыслитель древности слишкомъ низко смотрѣлъ на раба, не усматривая въ немъ человѣка. „Нельзя безъ смущенія смотрѣть, говорить Кузанъ, на то невозмутимое хладнокровіе, съ которымъ Аристотель анализируетъ природу этой собственности спеціальной, которую называютъ рабомъ, какъ если бы это былъ предметъ естественной исторіи. По нему, рабъ есть въ нѣ-которомъ родѣ одушевленная собственность“²⁾.

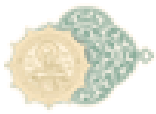
Итакъ, чудовищный эгоизмъ служитъ основнымъ мотивомъ до-христіанской жизни.

Но вотъ въ жизнь вводится новая нравственная сила. Раздается голосъ христіанской любви, любви солидарной, безкорыстной, святой, любви дѣйственной, охватывающей все человечество, всѣ стороны его жизни. Люди—дѣти одного Отца, братья по происхожденію, родные по единой жизненной цѣли, къ которой идутъ они общимъ путемъ, приводящимъ къ полному счастью въ общеніи съ Богомъ. Практическая животворность новой жизненной силы сразу-же сказалась, приведя въ невольное изумленіе языческій міръ. „Смотрите, съ удивленіемъ говорили язычники о христіанахъ, какъ они любятъ другъ друга, какъ они трактуютъ себя взаимно братьями и сестрами и готовы умереть одни за другихъ“³⁾. Начался процессъ нравственного оздоровленія человечества, а за нимъ и матеріальнаго улучшенія. Своимъ принципомъ братскаго общенія христіанство въ корнѣ подрѣзываетъ самую идею рабства и на цѣлые вѣка опережаетъ новѣйшую соціологію. Несомнѣнно, что важнѣйшій результатъ, добытый соціологіей и состоящій въ признаніи солидарности человѣческаго развитія и всѣхъ вообще человѣческихъ интересовъ, добытъ на

¹⁾ Ibid. p. 56—57.

²⁾ Chastel, p. 11.

³⁾ Минуцій Феликсъ, гл. 9, § 2.

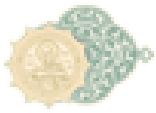

христіанской почвѣ, благодаря христіанскому ученію о братствѣ всѣхъ во Христѣ. Соціологія учитъ, что человѣкъ немислимъ въ жизни, какъ совершенно изолированная единица; онъ членъ человѣческой семьи, съ которою связанъ и своимъ рожденіемъ и тѣми благами внѣшней культуры, которыя наслѣдуетъ онъ отъ своихъ предковъ; его дѣятельность не пропадаетъ безслѣдно для потомства, и за свою жизнь онъ несетъ отвѣтственность предъ всѣмъ человѣчествомъ, котораго цѣли и интересы суть вмѣстѣ его собственность, и служеніе которому обезпечиваетъ ему высшее счастье и даетъ его личному бытію истинное значеніе. Но не ясно-ли, что всѣ эти мысли суть новое изданіе того, что давно уже возвѣщено міру христіанствомъ, изданіе удешевленное и испорченное. Нѣтъ сомнѣнія, что подъ прикрытіемъ принциповъ равенства, братства и свободы, святотатственно похищенныхъ изъ евангелія и фальсифицированныхъ соціалистами, можетъ развиваться одинъ лишь эгоистическій расчетъ. Въ самомъ дѣлѣ, какой смыслъ и значеніе имѣютъ эти соціалистическія восхваленія любви и свободы, когда среди нихъ царствуетъ грубѣйшій эгоизмъ, зависть, ненависть и злоба? Въ виду такой дѣйствительности, невольно зарождаются въ головѣ вопросы, на которые соціологія положительно бессильна отвѣтить. Изъ чего, напр., человѣкъ можетъ заключать, что дѣятельность его не пропадетъ безслѣдно? Что можетъ привести его къ сознанію того, что онъ несетъ на себѣ отвѣтственность предъ всѣмъ человѣчествомъ? Когда говоритъ, напр., Достоевскій, что „всѣ за всѣхъ виноваты“, то каждый понимаетъ, что этими словами выражается та мысль, что всѣ мы должны отвѣчать не только за себя, но и за все, совершающееся въ мірѣ, поскольку оно связано съ нашими мыслями, желаніями и поступками. Но когда говоритъ соціалистъ, что онъ несетъ отвѣтственность предъ всѣмъ человѣчествомъ, то эти слова его являются недалекими отъ пустой фразеологіи и вызываютъ одно лишь недоумѣніе. Только христіанство даетъ и

можетъ дать отвѣты на эти и подобные вопросы, ибо оно овладѣло жизнію, чувствомъ и умозрѣніемъ. Оно поразительно можетъ приспособлять бремя жизни къ людямъ и людей къ бремени. Безъ всякихъ насилій надъ человѣческой природой, христіанство можетъ привести ее въ согласіе съ жизнію, въ гармонію съ окружающимъ, возбуждая интересъ и любовь къ жизни въ изнемогшихъ подъ тяжестью ея. Каковъ бы ни былъ человѣкъ, чрезъ какую бы юдоль слезъ онъ не прошелъ уже или не долженъ пройти, ставъ на путь истиннаго неизвращеннаго христіанства, онъ найдетъ новую жизнь.

Всегда, съ самыхъ первыхъ поръ распространенія христіанскаго общества, христіанство является силой, дѣйствительно охватившей и проникнувшей всѣ, даже и самыя сокровенныя и мельчайшія, жизненные отравленія и людскія отношенія. „Эта религія, направляя волю и чувства людей, простымъ вліяніемъ наслѣдственности сдѣлалась духомъ человѣческаго духа. Теперь въ мірѣ есть то, что можно назвать христіанскимъ закаломъ, духъ самоотверженія ради какого-либо достойнаго дѣла, самопожертвованія ради высокой цѣли, твердости и готовности къ прощенію, чистоты и состраданія, великодушія и благородства. Не трудно указать на множество людей, которые не называютъ себя христіанами, но въ которыхъ христіанскій духъ превосходно виденъ. Въ націяхъ, принявшихъ христіанство, есть глубоко вкорененный инстинктъ нравственнаго совершенствованія, прогрессивность нравственныхъ воззрѣній, постоянно возрастающая чувствительность совѣсти. Кто, оглянувшись вокругъ, не увидитъ всюду знаменій этого? Не справедливо-ли, напр., заимчаніе Троп-лонга, что христіанская философія лежитъ въ корнѣ нашихъ принциповъ справедливости“? ¹⁾ Христіанство не только устанавливаетъ соотвѣтственно потребностямъ людей норму отношеній между ними, но и обезпечиваетъ за этой нормой жизнен-

¹⁾ Книга о Шибболетахъ, Москва 1898, стр. 32—33.

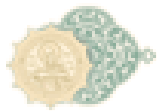

ную дѣйствительность. Недостаточно издать какой-либо законъ, выработать право, соответствующее одновременно и требованіямъ истинной нравственности и потребностямъ общества. Нужно, чтобы это право вошло въ сознание общества, которое бы искренно и отъ души выполняло его. Въ жизни мы не встрѣчаемъ обыкновенно полного соответствія между требованіями права и выполненіемъ этихъ требованій. Масса преступленій и неискренность въ отношеніяхъ,—явленія слишкомъ обыкновенныя въ дѣйствительности, свидѣтельствующія о томъ, что право можетъ быть мертвою недѣйствующею буквою, и даже болѣе—можетъ способствовать господству зла. Если мы корни правовыхъ положеній выдернемъ изъ моральной почвы, то что получимъ какъ не бездушную массу мертвыхъ формулъ, подъ покровомъ которыхъ можетъ совершаться все, что угодно? Извѣстна, напр., та убѣдительность, съ которою Шейлокъ требовалъ фунтъ человѣческаго мяса, принадлежавшій ему „по праву“. Такимъ-то цѣлямъ можетъ служить право, если оно отрывается отъ морали, если въ немъ нѣтъ внутренней живой справедливости. Мертвый законъ мертвъ для добра въ жизни и, служа покровомъ, можетъ тѣмъ содѣйствовать развитію всякаго рода гадостей въ ней.

Одушевленное религіозною любовію, христіанское общество не можетъ мириться и уживаться съ закономъ, полнымъ эгоизма и несправедливости къ ближнимъ. Душею этого общества овладѣлъ нравственный христіанскій принципъ, который необходимо, поэтому, долженъ гуманизирующе вліять на законодательную силу общества. И никогда, нужно сказать, неполная гуманизация права не въ состояніи успокоить высшаго нравственного чувства, которое господствуетъ въ душѣ христіанина. Личная сила любви, ставши жизнью личного духа, требуетъ все болѣе и болѣе полной реализаціи любви во внѣшнихъ отношеніяхъ, отношеніяхъ правовыхъ, и это необходимое гуманизирующее давленіе личной

моральной силы на внѣшнюю силу права можетъ, очевидно, окончиться только тогда, когда обѣ силы жизни—внутренняя и внѣшняя будутъ приведены въ гармонію и равновѣсіе. Христіанское общество необходимо, слѣдовательно, стремится привести внѣшнюю норму своихъ взаимныхъ отношеній въ болѣе полное соотвѣтствіе одушевляющему его внутреннему чувству благожеланія, и это стремленіе, предлогомъ которому можетъ служить только полное равновѣсіе благожеланія во внѣшнихъ отношеніяхъ съ личнымъ субъективнымъ благожеланіемъ, составляетъ особенную въ жизни социальную заслугу христіанства. Можно-ли, послѣ этого, говорить о рабствѣ въ христіанствѣ? Когда человѣкъ погрязнетъ въ глубинѣ собственныхъ желаній и потребностей, то онъ, разумѣется, является рабомъ этихъ послѣднихъ. Человѣку рабство угрожаетъ прежде и болѣе всего со стороны самого себя.

Теперь выдвигаютъ рабство экономическое, зависимость бѣдныхъ классовъ отъ богатыхъ, угнетеніе послѣдними первыхъ. Но при чемъ-же тутъ христіанство, которое, какъ жизненная сила, должно быть постепенно усваиваемо человѣчествомъ и которое иногда усваивается не такъ и не въ такой мѣрѣ, какъ и сколько должно. Постепенное возвышеніе уровня внѣшнихъ социальныхъ отношеній чрезъ усиленіе требованій субъективной любви является въ христіанствѣ необходимымъ и естественнымъ слѣдствіемъ самого положенія вещей, и социальный прогрессъ человѣчества является только какъ болѣе и болѣе полная реализація христіанской любви къ ближнимъ. Осуществленіе на дѣлѣ требованій заповѣди о любви къ ближнимъ въ Богѣ необходимо стимулируетъ высшее прогрессивное развитіе внѣшнихъ отношеній между людьми, и говорить противъ солидарности христіанства съ социальнымъ прогрессомъ, значитъ, утверждать явную негѣпость. Христіанство не только даетъ человѣчеству идеаль абсолютнаго совершенства, но и указываетъ путь къ достиженію этого идеала, слѣдовательно, оно по самому существу своему прогрессивно.

Конечно, къ такому прогрессу, который имѣеть въ виду безпредѣльное усовершенствованіе человѣка безъ Бога и противъ Бога, христіанство, дѣйствительно, не имѣеть никакого отношенія. Къ истинному-же прогрессу оно не только имѣеть отношеніе, но онъ всецѣло зависитъ отъ него. Великое христіанское чувство любви къ ближнимъ, какъ солнце, возшло и поднялось надъ горизонтомъ соціальной жизни, согрѣвая и животворя соціальную сферу и способствуя ея постепенному усовершенію. Оно возвысило уровень отношеній въ соціальной жизни. Христіанская любовь явилась въ жизни человѣчества не какою-либо абстрактною идеею, но силою дѣятельною и дѣйственною, обновляющею и созидающею. Мы видимъ это въ исторіи человѣческой жизни. „Тамъ, говоритъ Фихте, гдѣ любовь къ ближнимъ является организующею, отношенія между людьми преисполнены благословеній, что указываетъ на то, что въ ней заключается единственно возрождающая сила для обществъ. Мы должны ее въ наше время считать единственнымъ, что можетъ рассчитывать на будущность. Она призываетъ каждого—вступить въ союзъ помогающаго общенія, по своимъ силамъ и склонностямъ. Что есть человѣчнѣе, проще и вмѣстѣ съ тѣмъ многообразнѣе и богаче въ дѣйствіяхъ! Нѣтъ никого столь малаго, кто не могъ бы участвовать въ этомъ общеніи, и нѣтъ никого столь сильнаго, кому бы оно не было благотѣльно.

Но идея общенія во всѣхъ своихъ формахъ должна проникнуться идеею религіознаго единенія для того, чтобы всегда очищаться и возвышаться чрезъ послѣднюю. Каждое отношеніе общенія будетъ тѣмъ живѣе и успѣшнѣе, чѣмъ болѣе оно проникнуто духомъ религіи¹⁾, какъ нормы дѣйствительности, существо которой въ томъ, чтобы дать законы жизни, установить законъ взаимныхъ отношеній между людьми и отношеній человѣчества къ міру. Самое спасеніе,

¹⁾ Fichte, Die philosophischen Lehren, s. 819.

духовное перерожденіе, которое принесло въ міръ христіанство, есть не внѣшній для человѣчества и только принятый имъ совершившійся фактъ, не ставящій никакихъ человѣчеству требованій, но оно является какъ задача, осуществляемая христіаниномъ на дѣлѣ, такъ какъ осуществленіе ея необходимо для жизни его. Исторія человѣческой жизни неопровержимо удостовѣряетъ ихъ въ томъ, что чѣмъ болѣе человѣкъ осуществляетъ на дѣлѣ требованія христіанства, тѣмъ всестороннѣе развивается и улучшается жизнь его. Такъ говоритъ намъ исторія, и надо быть глухимъ, чтобы не слышать ея рѣчей, и слѣпымъ, чтобы не видѣть подтверждающихъ эти рѣчи событій. Но именно такого значенія за религіей и не признаетъ социализмъ, основывающійся на эволюціонныхъ данныхъ, социализмъ новѣйшей формаціи. Социализмъ этого рода социальное значеніе за христіанствомъ признаетъ, но спасительное значеніе отвергаетъ.

По взгляду эволюціонизма, для истиннаго эволюціониста ни одна форма эволюціи не можетъ быть научной и не должна имѣть цѣны, если она не содержитъ въ себѣ всего чело-вѣка и всего, что есть въ чело-вѣкѣ, всѣхъ дѣлъ и мыслей, и жизни, и стремленій чело-вѣка. Великіе моральные факты, моральныя силы, поскольку доказано ихъ существованіе, нравственное сознаніе, поскольку оно реально, должны быть ею объяты. Силы социальныя и религіозныя не должны оставаться въ сторонѣ точно такъ же, какъ силы тяготѣнія. Тогда и религія будетъ имѣть раціональную основу¹⁾. Даже такіе атеисты, социаль демократы, какъ Дитценъ, Штаммъ и Штернъ, признаютъ необходимость христіанства для современной жизни. Необходимо же будетъ христіанство до тѣхъ поръ, пока проповѣдуемая имъ солидарность чело-вѣческаго рода въ формѣ любви къ ближнимъ не замѣнится эконо-мическою солидар-

¹⁾ Г. Друммондъ, Прогрессъ и эволюція, стр. 11—12.

ностію. Эта замѣна, по словамъ Штейна¹⁾, уже началась въ разнаго рода стачкахъ рабочихъ и синдикатахъ промышленниковъ, въ международныхъ конгрессахъ писателей и художниковъ, въ почтовыхъ, телеграфныхъ, статистическихъ и санитарныхъ конгрессахъ, въ международныхъ соглашенияхъ для кодифицированія международного права. Солидарность экономическая начинается и въ политикѣ. Отдѣльными стадіями политической солидарности всего человечества можно считать подписаніе Женевской конвенціи, актовъ о Самоа, актовъ о Конго, демонстрацію флотовъ на Босфорѣ, общую дѣятельность на Критѣ,—международную помощь голодающимъ, борьбу съ заразительными эпидеміями при посредствѣ международныхъ предприятий и т. д.²⁾

Какое-же мѣсто въ жизни отводится христіанству? Религія вообще должна содѣйствовать болѣе успѣшной эволюціи экономической солидарности. „Религія чрезъ посредство своихъ органовъ должна демонстрировать вѣрующимъ эту солидарность человечества, вытекающую изъ общности экономическихъ и культурныхъ интересовъ. Новое въ этой солидарности состоитъ именно въ томъ, что она теперь не можетъ проповѣдываться, какъ мессіаниззмъ, а можетъ быть продемонстрирована при помощи статистическихъ данныхъ (солидарность всемірной торговли, страхование во всѣхъ его видахъ, солидарность рабочаго рынка и т. д.). Вотъ тутъ-то для религіи и появляется новая задача. Съ одной стороны, она должна бороться принципиально и со всею страстностію религіознаго краснорѣчія со всѣмъ, раздѣляющимъ въ экономикѣ и въ жизни на профессіи и на сословія. Это отрицательная сторона дѣятельности. Въ сферѣ экономіи на духовенствѣ лежитъ обязанность перекинуть мостъ чрезъ про-

¹⁾ Соціальный вопросъ, стр. 610.

²⁾ Тамъ же, стр. 611.

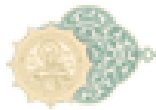
насть, разделяющую работодателей отъ рабочихъ¹⁾. Такимъ образомъ, духовенство должно придти на помощь требованіямъ современности и „вмѣсто усовершенствованія души въ будущей жизни должно энергически настаивать на усовершенствованіи человѣка въ этой жизни, подлежащей нашему общественному контролю. Обмірщенный клиръ можетъ достичь такой цѣли только въ томъ случаѣ, если онъ будетъ обладать достаточными знаніями въ политической экономіи, въ статистикѣ и въ общественной философіи для того, чтобы указать слушателямъ на необходимость постоянного и сознательнаго роста человѣческой солидарности, на необходимость выработки высшаго человѣческаго типа (типа соціальнаго человѣка)—не потому, что таково велѣніе небесныхъ, нечеловѣческихъ силъ, а по тому, что это необходимый постулатъ общественной науки“²⁾. Словомъ, „мы не имѣемъ права, говоритъ Шейнъ, отрицать силу какъ историческихъ религій, такъ и историческаго государства. Мы должны считаться съ арміей и съ крупновскими пушками, но мы должны также считаться и съ образованнымъ духовенствомъ, съ одной стороны, и съ заботой о спасеніи души, съ другой. Просто вычеркнуть изъ вычисленій эти два фактора—значить питать иллюзіи, совершенно неприличныя для послѣдовательнаго эволюціониста“³⁾.

Всѣмъ извѣстно, какъ социализмъ считается съ арміей. Кажется, нѣтъ ничего болѣе ненавистнаго для социалиста, какъ слово милитаризмъ. Милитаризмъ—это вопіющее зло и только. Забывается то, что это явленіе въ жизни вызывается самою же жизнію. Забывается, что милитаризмъ есть цѣлая область экономической продуктивности, что вмѣстѣ или па-

1) Тамъ же, стр. 622.

2) Тамъ же, стр. 624.

3) Тамъ же, стр. 623.

параллельно съ экономической эволюціей совершается и развитіе милитаризма ¹⁾).

Кажется, для всякаго ясно и то, что эта выдуманная религія „съ упраздненнымъ небомъ“, какъ мѣтко выражается П. Е. Астафьевъ, не удовлетворитъ никого изъ тѣхъ, въ чьей душѣ проснулись дѣйствительно религіозные запросы. Кромѣ, впрочемъ, этого, не ясно-ли для всякаго, что по мѣрѣ роста экономической солидарности будутъ въ этомъ направленіи нарождаться идеи, осуществленіе которыхъ вызоветъ цѣлую массу съѣздовъ, конгрессовъ, конференцій, но вмѣстѣ съ этимъ будутъ усиливаться въ своей интенсивности и отдѣльные частные людскіе интересы. Это такъ просто и такъ понятно. Сознаетъ это и социализмъ, который есть собственно не что иное, какъ компромиссъ между личными и общественными интересами. Перенъ говоритъ, что декларація 89 года объявила, что между обществомъ и личностію нѣтъ ничего разобщающаго, а между тѣмъ индивидуализмъ и коллективизмъ суть два полюса въ социализмѣ ²⁾), потому что между свободой и равенствомъ всегда будетъ внутреннее противорѣчіе. Социализмъ дѣлаетъ уступки этимъ непримиримымъ направленіямъ. Вмѣстѣ съ коллективизмомъ онъ признаетъ общественное равенство социальнымъ идеаломъ, каковымъ съ индивидуализмомъ считаетъ полную свободу въ пользованіи благами міра ³⁾). Личность, связанная политически, социалью и экономически, должна развиваться совершенно свободно. Промышленность сдѣлается владычицею міра. Что же получится? Получится промышленная монархія. Явятся желѣзнодорожные короли, нефтяные герцоги, свинцовые графы, желѣзные бароны и т. д. Мѣсто готическихъ соборовъ среднихъ вѣковъ займутъ фабричныя трубы, которыя своею массивностью со-

¹⁾ E. Fournière, L'idealisme social, Paris 1898, p. 29.

²⁾ Ch. Perin, Le socialisme chretien, Paris 1879, p. 43.

³⁾ Fournière, L'idealisme social, p. 139.

вершенно заслонять прежнія колокольни и башни ¹⁾. Словомъ, создастся новый міръ, который поразительно будетъ похожъ на прежній, съ тѣмъ только глубокимъ различіемъ, что въ этомъ новомъ мірѣ не будетъ ничего, что могло бы удовлетворять душевныя потребности человѣка. Какъ-бы ни былъ матеріально богатъ этотъ человѣкъ, духомъ онъ будетъ поразительно бѣденъ. Какъ-бы успѣшно ни осуществлялись его цѣли, на днѣ его сердца всегда будетъ пустота и нессимистическій вопль: „все суета суетъ“!

Что можетъ удержать тогда общество въ единствѣ? Сознаніе солидарности въ интересахъ? Но возможна-ли эта солидарность, если она однихъ приводитъ къ подчиненію, а другихъ къ высшимъ мѣстамъ плутократической іерархіи, занимая которыя они будутъ утопать въ чувствѣ собственнаго достоинства? Что ожидаетъ первыхъ, если, по любимому выраженію Спинозы, „большая рыба естественно глотаетъ маленькую“. Да и допустимо-ли и даже мыслимо-ли равенство между людьми, если изъ человѣческаго общества исключается то, что называется правомъ на уваженіе? Равноправность—великій принципъ, но къ сожалѣнію его не трудно поддѣлать. Стоитъ только подъ равноправностью разумѣть и свободу конкуренціи, и этимъ сразу освящается грабежъ на законномъ основаніи. Общество удерживается въ единствѣ только общностью идеаловъ и крѣпостью взаимной любви и довѣрія членовъ этого общества ²⁾. Если же въ человѣкѣ не

¹⁾ Штейнъ, стр. 303.

²⁾ Безусловная, наукою принятая и признанная истина, что полное единство общества не только не можетъ возникнуть на экономическихъ началахъ, но „не можетъ возникнуть, говоритъ Кистьяковский, даже и изъ простого психическаго взаимодействія между лицами и социальными группами: оно достигается только послѣднимъ и высшимъ созданіемъ социальной связи или нравственно-правовыми нормами“. Kistiakowski, Gesellschaft und Einzelwesen, Berlin 1899, s. 204.

признается его личное достоинство, то желаніе устроить его жизнь исключительно на началахъ экономической солидарности, не будетъ-ли просто мечтою о возвращеніи къ природному состоянію, улучшенному вѣками промышленности и изобрѣтеній,—не будетъ-ли осуществленіемъ тѣхъ мечтаній Руссо, по поводу которыхъ не безъ основанія выразился Вольтеръ: „когда читаешь Руссо, то чувствуешь охоту ползти на четверенькахъ“. И въ самомъ дѣлѣ, можетъ-ли указать человѣку идеально высокую жизнь тотъ, кто смотритъ на весь міръ, какъ на нѣчто долженствующее удовлетворять лишь однѣ его потребности, и съ этой точки зрѣнія оцѣниваетъ все. Людское горе и страданія мозолятъ ему глаза и нарушаютъ его покой, почему онъ и желаетъ, чтобы онѣ исчезли и строить для этого всевозможнѣйшіе планы. Ему кажется, что для его личнаго эгоистическаго счастья можно перестроить жизнь всего міра, заставить общество жить такъ, какъ хочется ему—его реформатору. Замѣнивъ понятіе о нравственности понятіемъ объ удобствахъ въ жизни, онъ успокоивается на этомъ, забывая, что стремленіе къ удовлетворенію однихъ эгоистическихъ потребностей, а не къ нравственно-доброй жизни, есть признакъ полнаго одичанія человѣка. Созданное имъ новое общество испортится такъ же, какъ (разрушаемое) старое, силою тѣхъ-же инстинктовъ и потребностей, или же это общество можетъ существовать лишь при томъ условіи, если въ человѣкѣ измѣнится его природа. Последнее мало вѣроятно. Но несомнѣнно то, что если до сихъ поръ только религіозная вѣра дѣлала возможнымъ примиреніе съ социальными несправедливостями, то и дать устойчивость тому обществу, изъ котораго будутъ изгнаны эти несправедливости, могутъ лишь тѣ добродѣтели, которыя поддерживались этою вѣрою. „Если нѣтъ Бога, то нѣтъ и добродѣтели, да и не нужно ея вовсе“, говоритъ одно дѣйствующее лицо у Достоевскаго. Но именно безъ добродѣтели люди и не могутъ обойтись. Они въ такомъ случаѣ сами

себѣ выдумаютъ добродѣтель. Потерявши религіозное чувство, а съ нимъ и чувство любви къ ближнимъ, люди на мѣсто любви могутъ даже поставить ненависть и признать ее добродѣтелью. „Клянусь, я честно ненавиждь!“ восклицалъ поэтъ, по мнѣнію котораго, „то сердце не научится любить, которое устало ненавидѣть“. И мы знаемъ, въ какихъ отвратительныхъ формахъ выразилась эта „честная ненависть“, въ практикѣ поборниковъ идей увлекшагося Некрасова. Впрочемъ, и безъ того для всякаго очевидно—какихъ результатовъ надо ожидать въ жизни отъ тѣхъ, которые готовы „честно ненавидѣть“. „Если подобные люди станутъ господами, то какъ воспользуются они своимъ, говорить Леметръ, имуществомъ? Какихъ разбоевъ, какого безпорядка, какого хаоса тогда надо ожидать“¹⁾? Чего, напр., можно ожидать отъ послѣдователей столь извѣстнаго теперь социалиста Берне, который подъ знаменемъ какой-то неопредѣленной свободы напрягаетъ всѣ силы къ тому, чтобы потрясти устой современной жизни? Онъ проклинаетъ германское правительство, осмѣиваетъ университеты, „отъ каждаго изъ которыхъ страна глупѣетъ на десять верстъ въ окружности“, онъ изрыгаетъ злобу на дворянство, „не за недостатки его, а за его хорошія качества, которыми оно обязано своему привилегированному положенію“, онъ объясняется съ читателемъ въ полномъ къ нему презрѣніи: „ты, быть можетъ, думаешь, что я желаю тебѣ нравиться, но я не кондитеръ я не аптекарь“, онъ вопіетъ объ оправданіи цѣлю средствъ и вызываетъ „мечъ противъ меча, коварство противъ коварства, грязь противъ грязи“. Чего-же онъ желаетъ? Онъ желаетъ такъ называемыхъ „свободныхъ учреждений“, не замѣчая, что самъ собственными силами дѣлаетъ ихъ невозможными. Можетъ-ли быть какая-либо свобода и солидарность въ интересахъ при такой злобѣ, такой ненависти къ людямъ и склонности къ

¹⁾ Lemaitre, Les rois, p. 229.

насилиямъ? Уже и теперь одна сторона практическаго осуществленія экономической солидарности приводитъ въ ужасъ и негодованіе современные намъ лучшіе умы, которые видятъ въ этомъ предвѣстника надвигающагося на человѣчество страшнаго несчастья. Разумѣемъ анархизмъ, который настаиваетъ на полномъ уничтоженіи всего существующаго строя посредствомъ огня, меча, динамита и яда. Анархизмъ такимъ способомъ старается ускорить совершеніе экономической эволюціи. „Однако—гдѣ-же ручательство, что на обновленной почвѣ старое зло не появится снова? Не должны-ли мы опасаться, что новый міръ будетъ испорченъ тѣми-же несправедливостями, какъ старый, что вновь появятся больные и здоровые, болѣе ловкіе и болѣе умные, которые обогатятъ себя всѣмъ, а съ другой стороны, слабые и лѣнныя, которые снова превратятся въ рабовъ“? ¹⁾ „Соціалисты, говорятъ Ле-Бонъ, отказываются признать значеніе интеллектуальнаго превосходства. Марксъ—ихъ пророкъ—разумѣетъ подъ трудомъ только трудъ физическій и ставитъ на второй планъ организаторскія способности и изобрѣтательность, а онъ то и преобразовали міръ. Враждебное отношеніе со стороны соціалистовъ къ способностямъ имѣетъ свои основанія, такъ какъ, конечно, способности являются вѣчнымъ камнемъ преткновенія, о который всегда будутъ разбиваться всѣ соціалистическія идеи равенства“ ²⁾. „Опытъ скоро покажетъ выразителямъ социальныхъ иллюзій всю пустоту ихъ мечтаній, и тогда они въ ярости разобьютъ тотъ идолъ, которому они поклонялись, пока не познали его“ ³⁾. „Опытъ не позволить намъ, говорить и Шеффле, отстаивать безусловное равенство всѣхъ индивидуумовъ. Личности, принадлежація

¹⁾ Вопросы философіи и психологій, май—іюнь 1897, стр. 476.

²⁾ Психологія социализма, стр. 10—11.

³⁾ Тамъ-же, стр. 136—137.

одному и тому-же сословію, совершенно одинаково воспитанные, пользующіяся совершенно одинаковымъ матеріальнымъ благосостояніемъ, развиваются тѣмъ не менѣе вполне различно. Впрочемъ, можно, мнѣ кажется, указать еще на другой доводъ, опирающійся на опытъ и на факты, который подтвердить наше мнѣніе сильнѣе, чѣмъ фактъ неодинаковой индивидуализаціи личностей, принадлежащихъ къ одному и тому-же сословію: мальчики и дѣвочки,—дѣти одного семейства, для которыхъ, слѣдовательно, въ одной и той-же парѣ индивидуумовъ (и ихъ имуществѣ) были сгруппированы одни и тѣ же благопріятныя и неблагопріятныя условія воспитанія и жизненнаго развитія, развиваются индивидуально совершенно различно. Типъ или родъ открываетъ человѣку весьма обширное поприще развитію его индивидуальности“ ¹⁾. „Всѣ люди, замѣчаетъ тотъ-же экономистъ, не могутъ быть одинаково хороши и одинаково дурны. Нравственность не можетъ зависѣть только отъ неравенства имущества. Нравственность общества отнюдь не обусловливается и имущественной нивелировкой, когда эта послѣдняя имѣетъ только цѣлю противодействовать быстрому развитію пролетаріата и накопленію богатствъ въ рукахъ плутократіи, которой и безъ того закрыты пути къ царствію небесному“ ²⁾, съ горечью заключаетъ Шеффле.

Такимъ образомъ, социализму не выйти изъ тѣхъ затрудненій, въ которыя онъ ставитъ себя. При проведеніи въ жизнь его идей, получится то самое, противъ чего онъ такъ вооружается, получится прогрессивное возрастаніе, съ одной стороны, деспотизма, а съ другой, рабства. Развѣ только грубыя формы рабства замѣнятся болѣе утонченными, соответствующими требованіямъ современности, но, конечно, не менѣе стѣсняющими свободу и личность человѣка. „Мож-

¹⁾ Капитализмъ и социализмъ, перев. Сиб. 1872, стр. 245.

²⁾ Тамъ-же, стр. 248.

но-ли, напр., представить себѣ теперь деспотизмъ болѣе насильственный, болѣе безотвѣтственный, чѣмъ деспотизмъ печатнаго слова? И не странно-ли, не дико-ли и безумно, что о поддержаніи и охраненіи именно этого деспотизма хлопотуть всего болѣе—ожесточенные поборники свободы, вопіющіе съ озлобленіемъ противъ всякаго насилія, противъ всякихъ законныхъ ограниченій, противъ всякаго стѣснительнаго распоряженія установленной власти? Невольно приходится на мысль вѣковѣчное слово объ умникахъ, которые совѣмъ обезумѣли отъ того, что возмнили себя мудрыми¹⁾. „Опытъ показываетъ, что самые ничтожные люди могутъ основать теперь газету и пустить свое изданіе на рынокъ въ качествѣ органа общественнаго мнѣнія“²⁾. Получается то, что свобода уничтожается въ самомъ корнѣ, подъ видомъ уваженія къ ней и защиты ея, получается и совершается насиліе, тяжеle котораго трудно и представить себѣ. Узаконяется то самое рабство, уничтоженіе котораго—главная задача социализма.

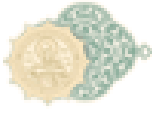
Очевидно, что помочь человечеству можетъ только христіанство и только оно одно. „Возлюбивши ближняго своего, яко самъ себе“, заповѣдуетъ оно людямъ, заповѣдуя, очевидно, не отреченіе отъ любви къ себѣ, а установляя равновѣсіе между благожеланіемъ къ себѣ и ближнему. Нормой въ жизненныхъ отношеніяхъ и должно быть признано именно это равновѣсіе, такъ какъ та и другая сила воли (любовь къ себѣ и любовь къ ближнему), по вѣрному замѣчанію Шефсбюри, въ своей здоровой первоначальности глубочайшимъ образомъ согласны между собою³⁾. Самопожертвованіе, положеніе души своей за другого, которое

¹⁾ К. П. Побѣдоносцевъ, Московскій Сборникъ, 1896, стр. 64.

²⁾ Тамъ-же, стр. 60.

³⁾ Fichte, s. 540.

является какъ-бы высшей христіанской добродѣтелью, не нарушаетъ реального равновѣсія. Этотъ какъ-бы излишекъ любви къ ближнимъ уравнивается въ здѣшней жизни личнымъ счастьемъ и блаженствомъ въ загробной жизни. Такимъ образомъ, явленія, которыя такъ часты въ здѣшней жизни и которыя такъ возвышаютъ ее и облагораживаютъ, выясняются христіанскою эсхатологіей, какъ имѣющія счастливые вѣчные результаты. Въ этомъ пунктѣ христіанство и социализмъ расходятся кореннымъ образомъ. По первому—человѣкъ назначенъ для вѣчности, и поэтому здѣшняя жизнь его въ связи съ будущею, по второму—человѣкъ только здѣсь живетъ, и никакого будущаго для него нѣтъ. Все для него исчерпывается земнымъ, здѣсь для него альфа и омега, начало и конецъ. Разрывая жизнь и имѣя дѣло только съ одною ея частью, съ этою землею, жизнью и съ этимъ видимымъ міромъ, социализмъ думаетъ, что имѣетъ дѣло со всѣмъ цѣлымъ. Вотъ почему для него существуетъ только одно эгоистическое я, съ точки зрѣнія котораго онъ обсуждаетъ всѣ вопросы міра и жизни. Нравственность, напр., замѣняется у него понятіемъ комфорта и приличій; бракъ признается условною формою общежитія,—лишенный значенія таинства онъ обращается въ простое сожительство; семья, государство трактуются, какъ необходимыя въ жизни декораціи; семья, лишенная духовнаго единенія, обращается въ простое собраніе людей разнаго возраста, связанныхъ обычаемъ и гражданскими законами; народъ понимается, какъ масса, грубость которой вызываетъ нужду въ религіи, какъ сдерживающей узды и т. д. Вотъ почему, между прочимъ, тогда какъ въ социализмѣ равновѣсіе любви къ себѣ и любви къ ближнему есть лишь формальное, лишенное жизни, разграниченіе моего и твоего, въ христіанствѣ надъ этими противоположными мотивациями воли царитъ высшій законъ усовершенія, высшего счастья, которому онѣ естественно должны быть подчинены. Такъ что въ истинно-нравственной жизни гармонія

личной и общественной воли должна естественно вести къ гармоническому развитію всѣхъ силъ чистой человѣческой природы, къ нравственной коопераціи съ цѣлю высшаго общаго и индивидуальнаго счастья. Коренное заблужденіе современнаго социализма не въ томъ, что выразители социалистическихъ идей желаютъ служить „общественному благу“, понимаемому ими, какъ „общее счастье“, а въ томъ, что въ этомъ общемъ здѣшнемъ счастьи они желаютъ видѣть высшій принципъ жизни, между тѣмъ какъ въ дѣйствительности само это общее счастье здѣшнее является результатомъ воплощенія въ жизни такихъ вѣчныхъ принциповъ, какъ правда, миръ, любовь. Этими началами, какъ началами дѣйствительно безусловными, устрояется вѣчное счастье человѣка, а вмѣстѣ само собою незамѣтно и здѣшняя временная жизнь его. Понятно, поэтому, почему, устрояя своею личною жизнію вѣчное общее, т. е. для всѣхъ назначенное, счастье, каждый изъ насъ можетъ вліять на устроеніе и здѣшней общественной жизни. Правдивымъ, любящимъ, честнымъ можетъ и долженъ быть всякій, независимо отъ своего положенія, состоянія, своихъ силъ и знанія, и никто изъ насъ не имѣетъ права отказаться отъ обязанности быть честнымъ, правдивымъ,—этимъ правомъ и своимъ личнымъ соответствіемъ требованіямъ этого права всякій изъ насъ можетъ вліять на общественную жизнь во благо ея, но далеко не всякій въ правѣ братья за дѣло служенія общественному благу,—для этого существуютъ особенные специально установленные институты.

Христіанство не указываетъ никакихъ опредѣленныхъ социальныхъ формъ земной жизни, хотя связь его съ исторіей социальнаго благоустройства несомнѣнна. Христіанство касается личной жизни, но не замкнутой въ себя и направленной на себя, а въ ея отношенія къ другимъ. „Возлюби ближняго твоего“, говоритъ оно людямъ, потому что каждый ближній—твой братъ, оба вы—дѣти небеснаго Отца.

Вотъ въ чемъ равенство людское,—въ богосыновствѣ. Это равенство отличается отъ абстрактнаго равенства людей, которое простирается до непризнанія того различія силъ и способностей, когорымъ обуславливается различіе личныхъ правъ и общественнаго значенія. Соціализмъ, убивающій всякую энергію въ личномъ трудѣ, расчитывающій на полное отрѣшеніе отъ самолюбія тамъ, гдѣ нѣтъ къ тому никакихъ поводовъ, тамъ, гдѣ по неизвѣстной причинѣ каждый одинаково долженъ быть моимъ братомъ и другомъ, и гдѣ по тому самому имъ не будетъ никто,—прямо противоположенъ индивидуальному духу христіанскою любви. Какъ въ Церкви Христовой, по словамъ Апостола, дары различны и служенія различны (1 Кор. XII, 4—5). такъ точно и въ соціальной жизни. Христіанство заповѣдуетъ повиновение властямъ, которыхъ называетъ слугами Божиими, во благо подчиненныхъ (Рим. XIII, 4); оно признаетъ сильныхъ міра, какъ и слабыхъ, господъ, какъ и слугъ,—требуетъ отъ вѣрныхъ воздавать всѣмъ должное: ему же урокъ, урокъ, ему же честь, честь и т. д. (Рим. XIII, 7). Общество вѣрующихъ рисуется въ образѣ тѣлеснаго организма, состоящаго изъ многихъ, различныхъ по достоинству, силъ и благообразію членовъ. Но это различіе не ведетъ и не должно вести къ раздѣленію и не нарушаетъ гармоніи общей жизни, связуемой воедино любовью. „Да не будетъ распри въ тѣлеси, но да тожде въ себѣ пекутся уди“ (1 Кор. XII, 25). Богъ соразмѣрилъ тѣло, говоритъ Апостолъ, внушивъ о менѣ совершенномъ большее попеченіе. О тѣхъ членахъ, которые намъ кажутся менѣ благородными въ тѣлѣ,—о тѣхъ мы должны болѣе прилагать попеченія. И не благообразные наши болѣе благовидно покрываются; а благообразные наши не имѣютъ въ томъ нужды (сг. 23. 24). Такимъ образомъ, на долю болѣе сильныхъ выпадаетъ и работы больше. Почему? Потому что кому больше дано, тотъ больше долженъ и служить. Сила и власть даются человѣку Богомъ не для личнаго въ эгоисти-

ческихъ расчетахъ пользованія ими, а для преисполненнаго любовію служенія слабымъ и подчиненнымъ. Самъ Спаситель служить высочайшимъ образцомъ этого служенія. „Сынъ Человѣческій не придетъ, да послужать Ему, но послужити, и дати душу Свою избавленіе за многихъ“ (Мѳ. XX, 28). „Болій въ васъ, да будетъ яко мній: и старѣй (начальствующій), яко служай“ (Лк. XXII, 26. 27). Очевидно, при такомъ взглядѣ на общественную дѣятельность человѣка, различіе личныхъ отъ природы силъ необходимо содѣйствуетъ развитію между людьми восполняющаго общенія. Каждая личная сила, обращающаяся къ другимъ, дополняетъ ихъ, и, въ свою очередь, сама восполняется ими, что возвышаетъ и общій и частный выигрышъ. Разнообразіемъ способностей, которыми одарилъ насъ Богъ, говоритъ св. Іоаннъ Златоустъ, Онъ произвелъ то, что всѣ мы имѣемъ нужду одни въ другихъ. Какъ различнымъ странамъ Онъ даровалъ разные роды произведеній, дабы установился между этими странами постоянный обмѣнъ благъ, такъ людей Онъ надѣлилъ въ различныхъ пропорціяхъ благами временными и духовными, дабы они сообщали эти блага другъ другу¹⁾. Равновѣсіе въ сферѣ свободной дѣятельности человѣка, такимъ образомъ, нисколько не нарушается. Тѣмъ болѣе, что высшая цѣль Человѣческой жизни состоитъ въ личномъ нравственномъ усовершенствованіи и вѣчномъ загробномъ счастьи, по отношеніи къ которымъ индивидуальное различіе силъ въ здѣшней жизни не имѣетъ никакого значенія. Личное нравственное усовершенствованіе необходимо влечетъ за собою общественное развитіе. Общество, поэтому, развивается непрерывно и въ будущемъ не можетъ быть тѣмъ, что оно есть въ настоящемъ, но въ то же время несомнѣнно, что не мечтами и фантазіей социалистовъ опредѣляется ходъ этого неизбежнаго развитія, веду-

¹⁾ 34 бесѣда на 1-е посл. къ Коринѳ.

щаго общество къ его благу. Что такое общественное благо и въ чемъ состоитъ оно,—вопросъ, могущій затруднить самый высокій умъ, но не затрудняющій современный социализмъ, потому что онъ рѣшаетъ его просто механически. „Общее счастье“—общественное, по нему, благо. Но въ чемъ же счастье это? Конечно, не въ томъ, въ чемъ полагаетъ его социализмъ, такъ какъ то, что лишь временно удовлетворяетъ своекорыстный эгоизмъ, то не можетъ удовлетворить человѣка, природа котораго способна къ безконечному развитію и, слѣдовательно, ищетъ себѣ удовлетворенія тамъ внѣ этихъ временныхъ условій. Развѣіе духовной жизни въ человѣкѣ не имѣетъ предѣла, который ей можно было бы напередъ предначертать, ибо ставить границы этому развитію, „значить, говорить Фулье, дѣлать изъ настоящаго нашего духовнаго состоянія абсолютную мѣрку для того, что возможно въ будущемъ въ области духовной“ ¹⁾. Социализмъ, на основаніи поспѣшныхъ, говоритъ Роберти, выводовъ физики, химіи и біологіи не видитъ въ человѣкѣ духовной стороны ²⁾ и отвергаетъ будущую загробную жизнь. Сокративъ такимъ образомъ жизнь и искалѣчивъ природу человѣка, онъ, дѣлая человѣка несчастнымъ, думаетъ, что дѣлаетъ счастливымъ. Мириться съ этимъ человѣкѣ не можетъ, потому что сознательно онъ не можетъ принимать выдуманное за дѣйствительное, а потому намъ думается, что чѣмъ болѣе будутъ осуществляться на практикѣ социалистическія идеи, тѣмъ болѣе человѣкъ будетъ обращать свой взоръ въ сторону христіанства, питающаго человѣка вѣрою въ будущее и надеждою на вѣчное счастье. Нѣкоторые историки самымъ ходомъ исторіи убѣждаются въ томъ, что спа-

¹⁾ A. Fouillée, L'évolutionnisme des idées-forcés, Paris 1894, p. LXXXIV.

²⁾ Roberty, Le bien et le mal, Paris 1896, p. 86.

сительный духъ Христа будетъ принятъ людьми всѣмъ сердцемъ, овладѣетъ всѣми ихъ помыслами и жизнью, станетъ въ нихъ высшей внутренней правдой и чрезъ нихъ живительнымъ элементомъ общественныхъ порядковъ и ежедневной будничной жизни, устроенныхъ по даннымъ опыта и выводамъ точнаго положительнаго знанія,—къ этому рано или поздно, но обязательно должно прійти и придетъ челове́чество ¹⁾).

Дай только Богъ, чтобы скорѣе пришло, такъ какъ всѣ такіе эксперименты, какъ теперешній социализмъ, предпринимаемые для устройства челове́ческой жизни, положительно худо отражаются на ней.

Не сразу ломать бы надо жизнь во имя выдуманной теоріи, а слѣдовало бы научиться сначала постигать ея истинный смыслъ, научиться цѣнить въ ней вѣчное и проникнуться этимъ вѣчнымъ, научиться цѣнить безсмертную душу въ челове́кѣ, научиться уважать челове́ка, а потомъ уже заботиться и объ улучшеніи его здѣшней земной жизни, такъ какъ тогда по необходимости улучшение этой жизни земной будетъ производиться въ виду той небесной, какъ тому учить и того требуетъ христіанство. Сводить же все на грубую чувственность, все святое въ жизни и идеальное отбрасывать какъ нѣчто ненужное и даже невозможное, сводить все къ грубому животному реализму,—не значитъ-ли, какъ выражается поэтъ:

„Науку, семью, государство, права,
Религію, геній, искусство—
Все, все обращать въ пустыя слова,
Насилуя разумъ и чувство“.

¹⁾ Кавелинъ, Собраніе его сочиненій, т. II, стр. 1409. Спб. 1898.

Можно бы еще отвѣтить здѣсь и на предложеніе, обращенное къ духовенству со стороны современнаго социализма, принять участіе въ разрѣшеніи социальныхъ вопросовъ, но такъ какъ отвѣтъ этотъ вытекаетъ изъ сказаннаго нами самъ собою и такъ какъ дальнѣйшее развитіе мыслей въ этомъ отвѣтъ не имѣетъ прямого къ нашей задачѣ отношенія, то мы считаемъ ее оконченной.

Архимандритъ Платонъ.